

Ты не умрёшь

АСЯ МАКСИМОВА

Ася Максимова

Ты не умрешь

«Автор»

2024

Максимова А.

Ты не умрешь / А. Максимова — «Автор», 2024

Автобиографическая история о жизни, смерти и любви. Все началось еще в детстве - в момент их первой встречи. Между ними пробежала искра, которая пылала то жгучей ненавистью, то трепетной любовью. Так пронеслась их юность: череда расставаний сменялась воссоединением. И вот, когда они, сумели создать семью, и казалось, что проблемы остались далеко позади, а в доме царит гармония и взаимопонимание, о которых раньше можно было только мечтать, жизнь наносит очередной удар. Справятся ли герои с новыми трудностями? Или коварная болезнь разлучит их навсегда?

© Максимова А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Штаб	6
Глава 2. COVID-19	10
Глава 3. 2022 год	14
Глава 4. Проклятье или судьба?	20
Глава 5. Неизвестность	26
Глава 6. Вера	29
Глава 7. Задача со звездочкой	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ася Максимова

Ты не умрешь

Имена персонажей изменены.

Глава 1. Штаб

Мою семью пандемия коронавируса не обошла стороной. Не потрясла. Не убила. Даже не особо шокировала. Немного напугала и, скорее, задела по касательной, махнув своим скользким пакостливым хвостом.

В это время я работала в крупной компании в офисе на окраине города, который, по сложившейся многолетней традиции, назывался пыльным непривлекательным словом “штаб”. И это был совсем не такой штаб, как штаб-квартира шпионов или суперагентов из остросюжетных фильмов. Это был такой штаб, будто кто-то подавился и ему, как следует, вдарил по спине, а застрявший в горле кусок еды перелетел через весь кабинет, угодил коллеге в монитор, и несчастный пострадавший, помимо инородного предмета, исторгнул из себя нечто нечленораздельное, более всего походившее на “шта-а-а-б”.

Таким он был для меня: удручающим и безрадостным. Склепом, в котором я была замурована по будням с девяти до восемнадцати, периодически выпускалась погулять на свободу с непреложным обязательством вернуться обратно.

Однажды, по этому поводу меня даже накрыла самая настоящая депрессия. Я сидела в томительном ожидании в салоне BMW, куда мы приехали практически всей семьей страховать папину машину от всяческих неприятностей, поджидавших ее на дорогах нашего прекрасного города. Вокруг шикарные новенькие автомобили. Приветливые сотрудники проводили мастер-класс по созданию икебан по случаю наступления осени. Царила атмосфера праздника, роскоши и улыбок. Я даже решила присоединиться к группе малышни, чтобы сделать свой букетик и почувствовать себя причастной ко всеобщему веселью. Вопреки моим опасениям, милая девушка не выгнала меня со словами: “только для детей”. Вместо этого радушно приняла в собравшийся “коллективчик” детсадовского возраста.

И вот все дела сделаны, а я стою с букетом желто-красных кленовых листьев на еще теплом, слегка осеннем питерском ветру и лью слезы прямо на свое творение.

–Что такое? – встревожился муж.

–Тут... так красиво! А я... работаю... в каком-то шта-а-а-бе... – ответила я самым несчастным голосом, прерываясь на всхлипывания.

–Ай, все понятно, – отмахнулся муж.

– Что случилось, откуда слезы? – подошел папа.

– Да, не обращайтесь внимание! Она плачет, потому что работает в шта-а-а-бе. Там некрасиво, а тут красиво.

Папа только посмеялся. Мужики, что с них взять.

Тогда я была молоденькой дурочкой, не знавший одну простую истину: нельзя реветь по пустякам, нельзя плакать по пустякам, нельзя грустить по пустякам, нельзя ронять даже одну крохотную слезинку по пустякам. Все твои слезы пригодятся еще не раз в более подходящих обстоятельствах. Не хочешь просиживать штаны в шта-а-а-бе – найди другую работу и не ной!

В свое оправдание должна сказать следующее: я пыталась. Честное слово. Много раз. И причиной моего стремления было отнюдь не помещение, в котором приходилось работать. Больше всего меня тяготила пресная рутинная работа, сдобренная изрядной порцией регулярного стресса. Тут меня сложно было обвинить в излишней плаксивости, ибо доставалось мне по самое первое число. К слову, не только мне, но и всему нашему небольшому женскому коллективу.

Прошло вот уже восемь лет, а я все еще сидела на своем местечке в самом углу, будто наказанная за свое тайное стремление покинуть сие заведение. К тому времени я успела побывать в декрете. Дважды. И выйти на прежнее место работы, несмотря на твердое намерение: ни в коем случае не возвращаться в шта-а-а-б после перерыва. Но хитрая лисица – жизнь –

распорядилась иначе и не оставила мне выбора. И вот я в своем кресле, за своим рабочим столом, вновь мечтаю об увольнении и по традиции не предпринимаю никаких решительных шагов в этом направлении.

Мечтала я не просто о новой работе, но и, непременно, удаленной. В моей голове упорно мелькали одна за другой, словно кадры кинохроники, красивые разноцветные картинки: я сижу в кафе с ноутбуком, я лежу в теплой постели, я сижу на траве в парке (разумеется летом), я лежу на пляже где-то в районе острова Бали с коктейлем (разумеется безалкогольным), продолжать можно до бесконечности... Но вот я возвращаюсь в реальный мир и вижу напротив себя Юлию Петровну – ветерана предприятия – работающую здесь с восемнадцати лет, и вспоминаю, что вскоре ей исполнится семьдесят. Смотрю на нее сквозь фикус, живущий на моем рабочем столе в цветочном горшке с японскими мотивами, и с ужасом понимаю: это же я примерно через сорок лет. Очевидный вывод напрашивается сам собой: мне нужна не просто новая работа, а самая настоящая новая профессия.

Дело в том, что мой опыт не позволял рассчитывать на такую роскошь, как удаленная работа. А представить, что компания, в которой я трудилась, вдруг решит отправить офисных сотрудников домой, чтобы они там бездельничали и высыпались, было просто невозможно. И вот я стою перед мучительным выбором: оставить все, как есть, смириться со своей безрадостной участью заложника штабной жизни и принять судьбу Юлии Петровны, как эстафетную палочку, либо сменить профессию. Соблазн ничего не делать был велик, но желание поспать лишний час и избежать изнуряющих пробок каждый будний день, в конечном счете, взяло верх. Я приступила к первым неуверенным шагам на долгом и тернистом пути к своему заветному увольнению. Меня бросало из стороны в сторону, как осенний лист в суровую ноябрьскую погоду: от дизайнера интерьеров до программиста. Но решительных действий я никак не предпринимала, за что нещадно корила и упрекала себя.

Наступил 2020 год и перевернул все с ног на голову. Нежданно-негаданно заботливый работодатель отправил меня вместе с половиной предприятия домой на удаленную работу, приводя в неописуемый восторг.

Причин для увольнения стало на порядок меньше. А точнее, была устранена их предводительница: мне больше не нужно было ездить в шта-а-аб и сидеть там прикованной к компьютеру, столу и стулу одновременно. С огромным удовольствием я собрала свои нехитрые пожитки: фикус да пару-тройку блокнотов, и упорхнула домой на неопределенный срок без капли грусти или сожаления. Я получила то, чего хотела, не приложив при этом никаких усилий. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, но так оно и было. В одночасье сбылись сразу две мои мечты.

Помимо недовольств относительно работы, я испытывала острую нехватку общения с детьми. Мне пришлось рано выйти из декрета. Младшему Федору было всего лишь десять месяцев, а старшей Таисии – целых два года. Частенько случалось грустить, проезжая в автобусе мимо больших парков и маленьких скверов, заполненных мамочками с колясками, по дороге от основной работы к подработке. Да-да, я не только работала в офисе с девяти до восемнадцати каждый будний день, но и подрабатывала по вечерам, обучая шитью девятилетнюю девочку и ее маму. Иногда казалось, что меня наняли, потому что маме было скучно, и я приезжала в первую очередь для светских бесед, нежели для передачи своих ценных знаний относительно швейного мастерства. Но мне хорошо платили, так что я не жаловалась и принимала с благодарностью появление в моей жизни таких чудных клиентов.

Часто случались дни, когда по моему отъезду дети спали еще, а по возвращению – спали уже. Мне оставалось лишь любоваться своими крохотными ангелочками, пока они мирно сопели в своих кроватках и, скрепя сердцем, бежать на работу или заваливаться в постель без сил после шестнадцатичасового трудового дня. Даже выходные дни не удавалось целиком посвящать детям. В свободное от работы и уроков шитья время я изготавливала на заказ раз-

личные постельные принадлежности. Всему виной было не мое отчаянное стремление работать каждую свободную минуту, а наше пошатнувшееся финансовое положение, которое мог исправить только упорный многочасовой ежедневный труд, коим я не брезговала.

С приходом пандемии детские сады закрыли. И опять удача! Я с удовольствием проводила время с детьми, которого стало неожиданно много. Кто-то скажет: “Я не могу работать, когда дети дома!”, “они требуют слишком много внимания!”, “мой ребенок от меня не отходит!”. У меня все иначе. Секрет успеха в количестве детей и их примерно одинаковом возрасте. Дело в том, что их двое, и они – погодки. Подобные обстоятельства позволяют им играть друг с другом часами, а маме заниматься своими делами.

Вот так неожиданно я получила то, о чем боялась мечтать. Даже не пришлось менять профессию, даже не пришлось искать новую работу. Слишком просто может показаться на первый взгляд, но я знала, что это не подарок судьбы, не счастливая случайность, а заслуженная награда за труды, позитивный настрой и веру в светлое будущее. Я очень много вкалывала, обеспечивая семью в сложный период, когда мой муж Санек остался без работы и долго не мог найти новую.

После тяжелого трехлетнего периода, наконец, можно было вздохнуть с облегчением и насладиться моментом. Можно было забыть о подъемах в шесть утра, о полуторачасовых поездках на работу с другого конца города, о забегах вверх по эскалатору, о пробках, утрамбованных под завязку маршрутках и прочих прелестях жизни офисных работников.

Можно было наслаждаться прогулками с детьми в обеденный перерыв, быть с ними рядом круглые сутки. Я будто снова вернулась в декрет, которого мне так не хватило в свое время, только при этом не пришлось рожать в третий раз. Я наслаждалась каждым днем и понимала, что вернуться в офис уже не смогу. Было даже немного неловко оттого, что люди по всему миру страдают и умирают от новой агрессивной болезни, а мне ее появление, хоть и опосредованно, принесло столько радости.

В эти счастливые дни только Санек покидал квартиру, отправляясь на любимую работу в небольшую частную фирму. Ему как раз в радость были такие поездки. Все потому, что он засиделся дома, в декрете. Именно он подменил меня на этом ответственном посту три года назад.

Решение о рокировке далось нам непросто. Я все еще кормила десятимесячного Федю грудью, когда неожиданно мне предложили повышение. В тот момент Санек не мог найти приличную работу уже почти год. Денег катастрофически не хватало, мы сводили концы с концами и держались только благодаря моим незначительным декретным выплатам, временным подработкам Санька и помощи родителей.

Кстати, о родителях... Им идея рокировки очень не понравилась.

– Ребенку нужна мать! Они оба еще совсем маленькие! Сиди дома, – кричал папа, – я пойду к Власову и скажу, чтобы не брал тебя на работу.

– Пап, он ничего не решает, он уже не мой начальник, – тоскливо мямлила я в ответ.

– А я все равно пойду и скажу тому, кто решает! Санек должен работать, а не ты!

Мы с папой трудились в одной компании, в том самом шта-а-а-бе. Он привел меня на практику, не предполагавшую заработной платы, еще студенткой, чтобы я написала дипломную работу. Мне предложили устроиться на вакантную должность в тот же день только потому, что я знала, что такое Word и Excel, а еще смогла позвонить большому начальнику и попросить его прийти в указанное место, чем привела моего босса в дикий восторг. Дипломная работа получилась отличная, а я увязла в той самой компании, как в волшебном болоте, которое затянуло и не отпускает, хотя и не убивает, наслаждаясь твоими мучениями и бесполезными попытками вырваться на свободу. Не забываем про Юлию Петровну... Мудрая женщина, по всей вероятности, сразу разобралась, что к чему, и даже не пыталась бороться с этой непреодолимой силой, в отличии от меня.

К Власову папа так и не пошел. А если бы и пошел, это был бы единственный раз, когда он попытался оказать влияние на мое продвижение по службе. Непростое решение было принято в тот же день, и в ближайший понедельник я вышла на работу, а Санек благополучно ушел в декрет. Несмотря на все сложности, мы не унывали, верили, что очень скоро выберемся из этой ямы и повторяли, как мантру: “Главное – все здоровы!”.

Наш оптимизм и вера в лучшее будущее довольно скоро дали свои плоды. 2020 год принес долгожданное облегчение. Удаленный режим работы позволил вернуться к детям, да и постоянная физическая усталость и недосыпы остались позади. Санек нашел работу, о которой мечтал с некоторых пор, к которой готовился последние несколько месяцев, и довольно быстро занял высокую должность. В моих изматывающих подработках мы более не нуждались. Кажется, невзгоды отступили, и, наконец, на смену угольно-черной полосе пришла ослепительно белая.

Как я верно подметила, однажды, будучи беременной в первый раз, когда все слишком хорошо – жди беды...

Глава 2. COVID-19

Мы заболели в декабре.

Конец года выдался на редкость снежным. Зимняя сказка за окном так и манила поскорее закончить все домашние дела, закутаться в самое теплое одеяние и броситься в ее морозные объятия. Как только часы пробили окончание рабочего дня, я захлопнула ноутбук, состряпала ужин на скорую руку и отправилась с детьми на вечернюю прогулку.

Легкий морозец, белоснежные сугробы, полный штиль, пушистые хлопья снега медленно опускаются с неба, ложатся на ресницы. Абсолютное наслаждение и потрясающее настроение. До нового года оставалось чуть меньше трех недель. И без того роскошный город Санкт-Петербург украсили ослепительной иллюминацией. Ощущение скорого праздника кружилось в воздухе вместе со снегом в ритме венского вальса, увлекая за собой.

Я устроилась поудобнее на лавочке на детской площадке, мечтательно вглядывалась в темное небо и наслаждалась своей любимой погодой. Мыслей почти не было – большая редкость для современного городского жителя. Несмотря на мороз, мне было комфортно: я надела всю самую теплую одежду, соорудив при этом несколько защитных слоев. Ничто меня не волновало и не беспокоило. Что может быть лучше? Нет, конечно, лучше было бы сейчас наблюдать за всем этим великолепием где-нибудь в лесу, в звенящей тишине и полной безмятежности, среди вековых сосен и елей. Там, где нет ни проблем, ни дел, ни суеты, ни шума, а не здесь – на детской площадке в спальном районе в окружении машин, многоэтажек, спешащих по делам взрослых и беснующихся детей. Хотя в таком соседстве тоже есть свой шарм: остановиться на минутку, никуда не торопиться, не думать о повседневных хлопотах, не составлять в голове списки дел, мысленно зачеркивая выполненные, пытаться не забыть об оставшихся, почувствовать, что живешь. Этому занятию я и предавалась с огромным удовольствием и глупой улыбочкой на лице, уставившись в пустоту вечернего неба.

Тем временем Тася с Федей занимались примерно тем же – наслаждались жизнью, прыгая в снег прямо с качелей, сопровождая все это действие дикими воплями. Мои дети были счастливы, от этого на душе становилось еще теплее и радостнее. Хотелось кричать вместе с ними, но правила приличия не позволяли, так что я сидела и помалкивала себе в плотно намотанный шарф, не привлекая лишнего внимания.

Я окинула взглядом небольшую территорию детской площадки. Она оказалась на удивление заполненной. Долгожданный снег заставил жителей спального района покинуть свои теплые жилища и в кои-то веки провести вечер на свежем воздухе.

В соседнем сугробе паренек лет шести усердно копал тоннель, девы постарше кучковались на горке, обсуждая школьные сплетни, мамочки нервно пританцовывали на месте в такт стучащим зубам, безуспешно пытаясь согреться. Кто-то болтал по телефону, кто-то друг с другом. Единственный мужчина – с коляской-люлькой. Ему повезло: младенец спал, а он спокойно мог торчать в смартфоне, совмещая приятное с полезным. Кажется, среди посетителей площадки из категории “родители” наслаждение от происходящего получала только я, а остальные терпели и мерзли, ожидая, пока пребывание на улице перевалит через намеченную заранее отметку сорок минут, час, полтора – у каждого свою, и они смогут с чувством выполненного родительского долга направиться домой, отогреть обмороженные конечности.

Где-то в глубине болоньевых штанов появилась настойчивая вибрация. Я поспешила стащить шерстяную перчатку и достать телефон.

- Алло, мать! Вы где? – прозвучал уставший голос Санька (на него не похоже).
- Мы гуляем, ты уже приехал?
- Да.

– Скоро вернетесь?

– Не знаю, может еще полчаса, на улице красота. Я ужин приготовила, садись есть, не жди нас.

– Да я не хочу. Походу, заболел. Зайдешь в аптеку?

– Зайду, конечно. Что случилось?

– Температура тридцать девять. Жаропонижающее выпил, лежу...

– Блин, все-таки заразился. Мы идем.

Действительность зарядила по затылку увесистой оплеухой. Мир грез растворился, будто утренний туман, точно его тут никогда и не было. Беззаботная улыбка тотчас исчезла с моих губ, сменившись напряженным изгибом, походившим на параболу с ветвями, направленными вниз. В голове побежали беспорядочные мысли: купить в аптеке необходимые лекарства, уберечь детей от заражения, постараться не заболеть самой. Я вскочила со скамейки, позвала детей, недовольных и отчаянно протестующих против внезапного окончания прогулки, и мы отправились обратно в мир забот и неотложных дел, оставляя на свежем снегу три вереницы следов.

Болезнь мужа была вполне ожидаемой и не стала для нас сюрпризом. Мы предполагали такое развитие событий, однако, надеялись, что “пронесет”. Около пяти дней назад почти одновременно заболели Сашины коллеги по работе: Надежда и начальник Васильич. У обоих диагностировали COVID-19. Учитывая, как много времени они проводили втроем в одном помещении, Сашино заражение было практически неизбежным.

В небольшой частной компании, в которой трудился Санек, у него сложились довольно теплые отношения с коллегами. Начальник Васильич называл его своим старшим сыном и относился соответствующим образом. Надежда, состоящая в амурных отношениях с Васильичем, считала Саньку своим приятелем и регулярно жаловалась на своего кавалера в моменты ссор, раскрывая подробности их совместной жизни, о которых неловко было слышать и, по правде говоря, не очень-то и хотелось знать. В этой компажке, частенько остававшийся после окончания рабочего дня на ужин, Санек, с одной стороны, чувствовал себя третьим лишним, с другой – был совершенно необходимым элементом, на котором держались все рабочие процессы. Кроме того, кто-то же должен был передавать важную информацию от одного к другой и обратно, если вдруг конфликт между влюбленными заходил настолько далеко, что общаться друг с другом они не считали возможным. Подобные инциденты случались довольно часто, примерно несколько раз в месяц, но все они неизменно заканчивались примирением. А после, наша троица за ужином и бокалом-другим вина смеялась над автомобильными погонями по ночному городу Васильича за Надеждой.

Мы же с Саньком были абсолютной противоположностью этой дикой парочке. Редкие ссоры заканчивались быстро и благополучно. Все наши бурные выяснения отношений остались в глубокой юности приятными воспоминаниями, вызывающими лишь улыбку.

Когда мы вернулись домой, Санек выглядел скверно. Температура продолжала расти, и мне стало не по себе. Ежедневные сводки о количестве заболевших и умерших держали население в постоянном состоянии страха и напряжения. Мы были не исключением. Я же, будучи излишне впечатлительной, имея дурную привычку драматизировать и сгущать краски, не находила себе места. То и дело в информационном пространстве появлялись истории о смертях, результатом которых стал COVID-19. Особенно поражали страшные случаи летальных исходов среди молодых людей. Казалось, что никто не застрахован.

Тем не менее, на следующий день температура не поднималась выше тридцати семи градусов, а на третий день Санек заявил, что полностью здоров. Я выдохнула с облегчением.

Надежде с Васильичем не так повезло. Они продолжали болеть уже вторую неделю, а компьютерная томография показала тридцать пять процентов поражения легких у обоих.

Долгое лечение в итоге принесло свои плоды, и наши Ромео с Джульеттой благополучно пошли на поправку. Через пару дней Васильич отправил Саньку на аналогичное обследование, несмотря на его отличное самочувствие и отчаянное сопротивление. Сделано это было скорее для успокоения, чем по необходимости. Пришлось уступить настойчивым уговорам начальника и пройти процедуру.

Незадолго до этого я почувствовала недомогание. Было очевидно, что меня постигла та же участь, несмотря на все меры предосторожности, такие как ночевка на неудобном диване в детской комнате в изоляции от больного и последовавшие за этим боли во всех частях тела, а также непрерывный профилактический прием всевозможных препаратов и народных средств. Я таки подцепила треклятую заразу. Температура у меня так и не поднялась, однако, я провалялась в постели с болями во всем теле (хотя вполне возможно свой вклад внес и вышеупомянутый неудобный диван) около двух недель. Радовало только то, что детей болезнь обошла стороной, либо они перенесли ее бессимптомно, что можно было считать успехом.

И вот в тот самый момент, когда мы выдохнули с облегчением, когда казалось, что все сложилось вполне благополучно, на нас обрушилась новая напасть со всей своей сокрушительной силой.

Специалист, проводивший компьютерную томографию легких Саньки, в своем заключении написал следующую фразу: “Рекомендуется консультация врача-онколога”. Всему виной стало небольшое пятнышко на снимке в области правого легкого, которое могло оказаться чем угодно, в том числе опухолью.

Мир рухнул в один момент. Сама вероятность того, что это может быть болезнь под страшным, известным каждому, названием “рак”, мгновенно сковала меня по рукам и ногам животным страхом. Все вокруг тотчас перестало иметь всякий смысл. Конец, как будто, пришел сразу всему на свете. К недомоганию физическому добавилось моральное. Лучше бы сто раз переболеть COVID-19, чем прочесть такое заключение. В подобные моменты сложно заставить мозг мыслить позитивно и рассуждать здраво: “Это всего лишь предположение, нужно перестраховаться и все перепроверить”. В голове будто кричит громкоговоритель: “Это ра-а-а-к! Это коне-е-е-е-ц!”.

Естественно, тянуть с визитом к онкологу Санек не стал. Буквально спустя пару дней он уже сидел в кабинете, ожидая вердикта врача.

– Не похоже на рак, – дал свое заключение дежурный онколог в районной поликлинике. – Обратитесь к пульмонологу.

Я вся извелась, пока ждала звонка. За последние пару дней я успела нафантазировать кучу всяких страшных вещей, затопила квартиру слезами, обещала всем, кто готов был меня услышать (Богу, вселенной, высшим силам, кем бы они не были), что не буду больше хандрить по пустякам, не буду жаловаться на скучную работу или бытовые сложности, избавлюсь от всех вредных привычек и буду самой хорошей, самой послушной девочкой на всем белом свете. Обещала, что за все, что имею, буду безмерно благодарна.

И тут долгожданный звонок, подаривший не просто надежду на то, что все снова будет, как прежде, и никакой беды с нашей семьей не случилось, но и определенную уверенность в этом. Потянулись томительные дни ожидания следующего приема.

По счастью, к пульмонологу Санек попал также довольно скоро. В таком серьезном вопросе решил не экономить и отправился к доктору наук, отдав за один прием немислимые пять тысяч рублей. Врач покрутила снимок в руках несколько минут, сказала что-то про остаточную мокроту и прописала отхаркивающие препараты.

Вот теперь можно было вздохнуть полной грудью. Ложная тревога. Прошлись по тоненькому льду, но остались в живых.

Санек с облегчением выдал мне свой вердикт:

– Чем больше ходишь по врачам, тем менее здоровым становишься. Больше никуда не пойду! Если ничего не беспокоит – значит, здоров!

В очередной раз мы убедились в том, что нет ничего важнее здоровья, что все остальные сложности в жизни – временные, с ними можно справиться. Недельный стресс напомнил нам об этой простой истине. Встречать новый год не было ни сил, ни настроения. Тем не менее, наши желания, или в данном случае – нежелания, не в силах повлиять на течение времени, так что новый год все-таки наступил.

Глава 3. 2022 год

Вопреки известной поговорке “Как встретишь новый год – так его и проведешь”, 2021 году можно было поставить наивысший балл.

Неприятную историю с ложным диагнозом мы сразу же выкинули из головы, и даже не думали о ней вспоминать. Поразительно, с какой скоростью эта ситуация стерлась из памяти, уступая место более ценной положительной информации. Мы не просто окончательно выбрались из ямы, мы отправились в турпоход покорять горные вершины. Наши планы на будущее становились все смелее и авантюرنее.

Меня дважды повысили за один календарный год, а удаленную работу утвердили на постоянной основе. Новые интересные проекты поглотили с головой: задачи были сложные, но интересные. Я даже оставила на время свои стенания относительно работы, начала получать удовольствие от результатов своего труда и перестала задумываться об увольнении.

В детский сад возвращаться мы не стали. Точнее вернулись, заболели спустя три дня, и решили: пускай лучше дети сидят дома здоровые, чем больные. Таким образом, к моим обязанностям прибавились ежедневные занятия по подготовке к школе, которые я ловко совмещала с приготовлением ужина и вечерней уборкой на кухне, чему была несказанно рада.

У Санька на работе все также складывалось чрезвычайно благополучно. Компания развивалась, он занимал в ней все более весомое место и, самое главное, получал удовольствие от дела, которым занимался, что бывает крайне редко в наши дни.

Совершенно неожиданным образом мы даже купили мне автомобиль. Почему неожиданным? Да потому что мне он был не нужен, и я его даже не хотела. Таковую покупку мы совсем не планировали. Что мы действительно планировали и на что копили деньги, так это на замену машины мужа.

Но тут пришла пора отправлять детей в спортивные секции, и оказалось, что совершенно невозможно осилить все наши планы, не имея под попой личного авто. Одна машина в семье была, но она уезжала рано утром вместе с Саньком на работу, и возвращалась к ужину, а то и к отбою. Мы даже пробовали ездить в бассейн на общественном транспорте с пересадкой. Иногда раскошеливались на такси. Бывали дни, когда помогал мой папа, если был свободен: отвозил нас на секции, даже ходил с нами в бассейн, чему был вполне доволен. Тем не менее, определенные неудобства по-прежнему сохранялись.

Впервые я поняла, что мне просто необходим свой персональный транспорт. Возникла загвоздка. Одно дело – накопить на скромную подержанную машину или на смену старой с большим пробегом, требующую постоянных крупных вложений, и совсем другое – собрать деньги сразу на две подобные покупки. Я понимала, что нахожусь в хвосте этой очереди, и мысленно смирилась с путешествиями на общественном транспорте с двумя детьми и их чемоданами на горбу до лучших времен.

Дело приняло неожиданный поворот, когда Саньку на голову свалился шикарный бонус от начальника, покрывший смену семейного автомобиля. Накопленные деньги остались в полной сохранности, так что мы смогли позволить себе маленький немолодой, но совсем недорогой, безумно стильный и необычный Citroen DS3 для моих повседневных поездок по детским делам. Таким вот удивительным образом сбылось мое желание о приобретении собственного автомобиля буквально в течение пары месяцев.

На волне успеха мы подошли к новому 2022 году. Встречали его полные благодарности за год минувший и энтузиазма на год грядущий.

Поскольку утренники в детском саду прошли мимо нас, мы решили устроить свой собственный праздник. Дети выучили соответствующие событию стихотворения, нарядились в костюмы. Их выступление было снято на видео и по легенде отправлено Деду Морозу (на самом

деле бабушкам и дедушкам), чтобы он знал: какие хорошие дети живут в нашей квартире и не поскупился на подарки.

Санек по такому случаю приобрел домашний гриль, планируя приготовить потрясающий праздничный ужин. Протестировать его заранее в голову, естественно, не пришло, поэтому за полчаса до боя курантов нас ждал сюрприз.

– А-а-а-а! Букварина! Полундра!

Тут следует отвлечься от наших новогодних приключений и рассказать, откуда взялась “Букварина”, и кто она, вообще говоря, такая.

Так повелось, что влюбленные обычно называют друг друга ласковыми существительными, обозначающими детенышей животных: зайчонок, котенок, лисенок. Иногда употребляются уменьшительно-ласкательные формы имени: Сашенька, Асенька. Еще бывают солнышки, пупсики, зайки и прочие приторно-сладкие прозвища. В юности мы также практиковали нечто подобное. Но годы шли, мы стали относиться к себе и друг к другу проще. Главным проявлением любви стали подколы, а не слащавые речи. Так появилась Букварина (производная от моей девичьей фамилии), она же Букварь, Буква и в особенно трогательных моментах – Буковка или Букварик. Я же, находясь в приподнятом настроении духа, обращалась к мужу в основном Козлина, либо Гниль. Если настроение было запредельно хорошим, то Санек слышал в свой адрес обращение “Самый гнилой человек на Земле”.

И вот, эта самая Букварина залетает в кухню, полную дыма, запаха горелого мяса и воплей мужа. Я не знаю, что пошло не так, но после того, как мы жарили шашлыки на балконе двадцать девятого этажа с панорамным остеклением на обычном мангале, предназначенном для улицы, какой-то заурядный дым от пригоревшего мяса меня несколько не смутил. Кроме того, однажды в юности, когда мне было около четырнадцати лет, у меня загорелся бутерброд прямо в микроволновой печи. Вот это было страшновато, когда заходишь на кухню, а внутри маленького ящичка с окошком полыхает огонь. Потом пришлось оттирать копоть с внутренних стен прибора, чтобы сохранить инцидент в тайне от родителей. Странно, что мама не заметила, как сверкает вычищенная до блеска микроволновка.

Мы оперативно избавились от следов происшествия путем проветривания помещения, обрезали подгоревшие кусочки стейков и приступили к трапезе, именуемой в народе “провода старого года”.

Есть такая традиция на Новый Год: сжигать бумажку с предварительно написанным на нем желанием, бросать пепел в бокал с шампанским и выпивать все содержимое залпом. Вызов в том, чтобы успеть проделать весь этот ритуал, пока бьют куранты. В нашей семейке подобной ахинеи страдаю только я. Оно и понятно: дети еще не доросли ни до шампанского, ни до спичек, а Санек у нас – скептик. Этот год не стал исключением.

Я, конечно, гражданочка странная, верю во все, что угодно, лишь бы в мою пользу. Можете смеяться, закатывать глаза, крутить пальцем у виска присвистывая, как делает мой любимый муженек, но мои желания имеют свойство сбываться.

Как только послышался первый удар курант, муж не спеша начал открывать бутылку с шампанским, а я принялась судорожно писать свои желания на малюсеньком клочке бумаги. Когда пришло время гореть, бумажка никак не хотела этого делать. Ничего не оставалось, как проглотить ее так, как есть, едва опаленную и почти целую. Она застряла у меня в горле, я подавилась и закашлялась, пришлось залпом осушить полный бокал шампанского, чтобы она отправилась, куда следует. Не самое удачное начало года – подавиться собственными желаниями.

После ритуалов с сожжением бумажек и небольшого застолья, пришло время представлений. Я отвлекла детей зажигательными танцами – наспех осушенный бокал шампанского пришелся как нельзя кстати. Тем временем Санек прокрался в наш тайник, достал заблаговременно подготовленные подарки, разместил их под елкой, открыл настежь окно, насыпал

немного снега, взятого с подоконника, на пол и благополучно вернулся на кухню к праздничному столу к не на шутку развеселившемуся семейству.

Вскоре дети обнаружили и подарки, и свидетельства присутствия Деда Мороза в их комнате. Под звонкие визги красиво упакованные коробочки были варварски раздербанены, а их останки раскиданы по всей комнате. Еще один новогодний ритуал был завершен. Оставался последний.

Одевшись потеплее, вся семейка вывалилась на улицу пускать фейерверки и смотреть, как это делают соседи. Ночной город был наполнен звуками залпов и яркими разноцветными вспышками. Люди, уставшие от тягот пандемии, были полны надежд на светлое будущее, возлагая большие чаяния на год грядущий. Очень хорошо запомнился момент, когда мы запускали наш фейерверк в небо. Я смотрела на него, задрав голову, и верила, что впереди нас ждет волшебство, точно такое, как эти яркие вспышки огня, прирученные человеком.

7 января 2022 года

Мягкий январский солнечный свет пытался проникнуть сквозь узкую щель между стеной и шторой. Он был слишком слаб, чтобы разбудить хоть кого-нибудь, тем более меня.

Но проснуться все-таки пришлось: прямо в ухо прозвучало настойчивое детское “куша-а-а-ать”. Это был Федя. Он проснулся уже пару часов назад, истребил все яблоки, приложился к сушкам, опустошил баночку питьевого йогурта, но голод взял свое, и мальчик решил разбудить мать, чтобы та, наконец, сварила кашу.

Я потянулась. С трудом открыла глаза и покрепче притянула к себе мягкое теплое тельце сына, бесшумно забравшегося к маме под бочок.

– Доброе утро, бегемотик! А где принцесса?

– Та-а-а-с-я-я-я, – раздался оглушительный крик сына в то же ухо, отчего я поморщилась и недовольно заскулила.

Тася, успевшая с утра пораньше надеться в платье, прибежала из соседней комнаты и с разбега запрыгнула в родительскую постель.

Все это время Санек лежал на своем законном месте, рядом с супругой с наушниками в ушах. Он проснулся уже давно, но, как и дети, дал мне отдохнуть подольше. Новогодние праздники – отличный повод как следует выспаться.

Когда Таисия приземлилась прямо папе на колени, он заметил, что семейство пробудилось в полном составе, и вытащил наушники из ушей.

– Кто первый к папочке в плен? – спросил он, откидывая одеяло рядом с собой в качестве приглашения.

– Я-я-я-я! – хором закричали дети.

Более выигрышная позиция Таси позволила ей победить в этой гонке, чем изрядно огорчила брата. Папа закутал дочь в одеяло и крепко прижал к себе. Он полностью обездвигил жертву, вызывая дикий восторг и звонкий смех последней. Когда ему надоело, он выпустил дочь, освобождая место следующему клиенту.

Закончив обязательный утренний ритуал, Санек с шутливой строгостью закричал:

– Все, покинули помещение, быстро комнату убирать, приду проверю. Мама проснулась, скоро завтрак приготовит, чтобы к этому моменту идеальная чистота была.

Когда ребята разбежались, мы смогли насладиться объятиями друг друга еще пару минут. Я нехотя вылезла из-под одеяла, содрогнувшись всем телом от охватившего меня холода проветренной комнаты, и отправилась на кухню готовить завтрак.

– Давайте сегодня куда-нибудь поедем, – предложила я, когда все собрались за столом, уплетая еду. – Скоро каникулы закончатся, а мы почти все время провели дома.

– Да-а-а-а, – завопили дети.

– Куда? – спросил Санек. – Дай угадаю, в какое-нибудь красивое место?

– Именно так. Чтобы много снега, сосен и развлечений.

– Ладно, только чур ты за рулем.

Поехали в Охта Парк, что в Ленинградской области, недалеко от города. Санек ненавидит зиму, я обожаю. Для него поездка в рай новогодних развлечений под открытым небом с настоящая пытка. Будь его воля – не высовывал бы нос на улицу с октября по май. Но чего не сделаешь ради любимой семейки, и вот, он уже сидит на пассажирском кресле с недовольным лицом, критикуя мой стиль вождения.

Свернув с оживленного шоссе, мы оказались не небольшой дороге. С обеих сторон ее окружали вековые сосны, покрытые свежим снегом. Только благодаря этому потрясающему виду можно было сказать, что поездка удалась. Я крутила головой по сторонам, отвлекаясь от дороги, не в силах налюбоваться на красоту вокруг.

Мы проехали через шлагбаум, с трудом нашли место на огромной парковке и отправились на разведку. Тут было все: горнолыжный склон для профессионалов и новичков, детей и взрослых; магазин специализированной одежды; каток, да не простой, а представляющий из себя ледяную извилистую дорожку среди огромных сосен – едешь и любишься природными красотами; огромная горка для катания на ватрушках, больше напоминающая трамплин для летающих лыжников; небольшое, но симпатичное колесо обозрения с закрытыми кабинками, что важно в погодных условиях Ленинградской области; лесная трасса для любителей лыжных гонок; кафешки и рестораны на любой вкус и кошелек; бассейны с горячей водой под открытым небом (почему-то в них никто не купался); гостиница; апартаменты, которые можно было приобрести в собственность и поселиться в этом сказочном месте, представить боюсь, сколько может стоить такое удовольствие; ну и новогодняя елка, украшенная гирляндами и притягивающая к себе каждого посетителя парка, как наиболее подходящий фон для фото.

День выдался морозным. Чтобы не околеть, приходилось то и дело пританцовывать на месте. Поэтому мы огляделись и решили начать наши гуляния с плотного обеда: отправились подкрепиться в ближайшее кафе с демократичными ценами, забитое до отказа. Отстояв солидную очередь и опустошив тарелки, мы приступили к долгожданной прогулке.

Не будучи ни лыжниками, ни сноубордистами, с учетом ажиотажа около проката коньков и отсутствия купальных костюмов, из предлагаемых развлечений мы выбрали самое простое и доступное – ватрушки. Народу было так много, что на каждом шагу приходилось отстоять приличную очередь: купить билеты, дождаться свободной ватрушки, приложить билеты к турникету, проехать по эскалатору вверх на склон, отстоять еще одну очередь, ну и самое главное – скатиться с горы, получив ледяным ветром и снежным вихрем по лицу. При всем этом ухитриться не потерять по пути ребенка. Для примерно семи секунд адреналина приходилось тратить минут тридцать ожидания на холоде. Тем не менее, толпы довольных людей всех возрастов с красными лицами упорно возвращались на склон и терпеливо дожидались своей порции радости.

Саньку это испытание давалось с трудом: холод он совершенно не переносил, поэтому через несколько веселых спусков мы вновь отправились в кафе отогреться горячим чаем и теплыми ароматными булочками. Совершив напоследок еще один марш-бросок на склон, мы прокатились на ватрушках пару раз, а после, довольные, уставшие и замершие отправились домой.

Каникулы подошли к концу, однако для человека, оформившего отпуск еще на недельку и детей, не посещавших детский сад, они продолжились. Только Саньку предстояло отправиться на работу на следующий же день после нашей воскресной прогулки.

Вечером в понедельник, вернувшись домой, Санек почувствовал недомогание. Температуры не было, только слабость, небольшой кашель, отсутствие аппетита и усталость. В таком состоянии он проходил на работу целую неделю, и все это время почти ничего не ел. Мы решили, что он простыл во время наших рождественских гуляний. Не один раз пришлось

мне выслушать возмущения относительно рациональности зимних прогулок. Мне оставалось только разводиться руками и предлагать в следующий раз одеваться теплее, а также отмечать тот факт, что все остальные участники остались в добром здравии.

К четвергу Саньку стало сложно дышать, особенно в положении лежа. В пятницу он решил пройти КТ¹, подозревая COVID-19 и возможное поражение легких. Результат должен был прийти на следующий день.

15 января 2022

Ночь с пятницы на субботу прошла в агонии. Лежать было невыносимо больно. Только под утро Санек заснул, сидя на диване. В таком положении я и обнаружила его утром в детской комнате. Смотреть на него было больно.

– Давай вызовем скорую, зачем так мучиться?! – предложила я умоляющим голосом.

– Надо дождаться результатов КТ. А потом сразу вызовем. Если не дождемся, они будут вынуждены делать КТ повторно, – было видно, что каждое слово дается ему с огромным трудом.

Томительное ожидание... Было ясно, что ничего хорошего обследование не покажет. Когда человек еле ходит, еле говорит, не может есть и лежать, на положительное заключение не станет рассчитывать даже оптимист.

Результаты диагностического центра пришли только в два часа дня. Санек позвал меня и показал экран телефона.

КОМПЬЮТЕРНО-ТОМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНОВ ГРУДНОЙ КЛЕТКИ

Периферическое образование верхней доли правого легкого с инвазией медиастинальной плевры (вероятно, вторичное). Множественные очаги в легких. Зоны инфильтрации в S8,10 нижней доли справа, S9 слева (вероятно, воспалительного характера?). Субсегментальный ателектаз в S9 нижней доли левого легкого. Массивный выпот в перикарде. Двусторонний плевральный выпот. Лимфоаденопатия средостения, л/у надключичной области. Вторичное поражение костей в зоне исследования.

КОМПЬЮТЕРНО-ТОМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНОВ БРЮШНОЙ ОБЛАСТИ

СOLIDНОЕ образование головки поджелудочной железы с инвазией ДПК. Множественные очаги в печени и селезенке смешанного характера (вторичные). Асцит. Отек стенок желчного пузыря. Множественные вторичные очаги смешанного характера в позвоночнике и костях таза. Гепатомегалия. Висцеральная лимфоаденопатия.

Целесообразна консультация онколога.

С каждым следующим прочтенным словом дышать становилось все сложнее. Мозг отказывался воспринимать полученную информацию. Не дойдя и до середины, я дрожащим голосом спросила, прекрасно понимая, какой меня ждет ответ:

– Что это все такое, что это значит?

– Это конец.

– В смысле? Что за конец?

– Это рак.

В глазах потемнело, в ушах застучало. Нет, этого не может быть. Этого просто не может быть! У меня закружилась голова. Опять те же страшные слова, спустя год, и на этот раз никаких сомнений, никакой ошибки быть не может.

Мы быстро вызвали скорую, я ходила по квартире, наворачивая круги, как акула вокруг жертвы. Сразу вспомнилась история годичной давности и вердикт онколога: “Это не похоже на рак”. Странно, что я ни разу не вспоминала об этой истории с тех пор, как пульмонолог

¹ Компьютерная томография.

диагностировал остаточную мокроту. Выходит, рак был уже тогда, и мы так халатно отнеслись к подозрительному пятнышку в легком, схватившись за обнадеживающий вердикт врача, как за спасительный круг, приняв его за одну единственную возможную истину. Нельзя было расслабляться, надо было повторить обследования после завершения курса отхаркивающих препаратов, убедиться на сто процентов, что врачи не ошиблись. Как теперь вернуться туда и сделать все правильно?

Забутые чувства нахлынули с новой силой. В голове пульсировала гадкая навязчивая мысль: “Тогда пронесло, но сейчас этот номер не пройдет. Помнишь обещания, которые давала в своих молитвах, сдержала ли ты их? Заслужила второй шанс?”.

Санек сидел такой же несчастный и обессиливший, как и до прочтения проклятого заключения. На его лице невозможно было прочесть никаких эмоций кроме полного отсутствия сил. Я не могла позволить себе слез, только трясущиеся руки и беготня по квартире выдавали мое паническое состояние.

Скорая помощь приехала достаточно быстро. Двое медицинских работников как-то сразу притихли, прочитав результаты КТ. Без лишних слов сделали ЭКГ, измерили давление и сатурацию, заполнили какие-то документы в планшете.

– Хорошо, что дождались результатов КТ. Без них, вас бы сразу направили в ковидную больницу, – сказал один из них.

Я стояла за спиной врача, вбивающего информацию о пациенте в электронную форму, подглядывала за появляющимся на экране текстом. “Опухоль” – как очередной удар по голове. Слезы больше не смогли удержаться в непослушных глазницах и потекли по щекам горячими струйками. Я резко отвернулась и убежала в соседнюю комнату.

– Собирайте вещи и одевайтесь, надо спешить, – последовала команда.

По настрою медицинских работников, их коротким сухим фразам, сосредоточенности и напряжению, витающему в воздухе, я поняла, что дело настолько плохо, что есть вероятность “не успеть довезти”. Пару раз мелькнуло пугающее слово “реанимация”.

Под диктовку еле шевелящего губами Санька, я собирала вещи в спортивную сумку, пока он одевался. Мы остались одни в спальне, и тут я не выдержала. Прижалась к нему, обвив руками шею, и прошептала еле слышно дрожащим голосом:

– А вдруг ты не вернешься?

Он ничего не ответил, только посмотрел на меня своим пронзительным взглядом, в котором я прочитала упрек.

Глава 4. Проклятье или судьба?

Мама говорила: “Все ваши беды от того, что в десять лет ты приворожила Сашу!”.

Я в это не верю. Как может десятилетняя девочка кого-то приворожить при помощи зажженной свечки и пары выдуманных четверостиший? В любом случае, на мое откровение Санек отреагировал достаточно спокойно в свойственной ему манере: “Не имею ничего против”.

– Я не пойду-у-у-у-у! – кричала я в полный голос, упираясь ногами в дверь, а спиной в маму. Она держала меня под мышки, чтобы я не рухнула на пол.

– Ася, прекрати! Что с тобой такое!?

Ее удивление было вполне обоснованным, такое поведение было мне не свойственно.

Но тут аккуратно приоткрылась та самая дверь, служившая мне опорой и единственным спасением перед неизбежным позором.

– Здравствуйте! Что случилось? – мягкий голос и приятная улыбка Ольги Игоревны в мгновение ока прервали мою истерику, предназначенную исключительно для мамы. При посторонних наблюдателях позволить себе такое поведение я не могла, даже пребывая в столь отчаянном положении.

Из танцевального зала послышались звуки ча-ча-ча.

– Да вот не хочет идти. Не знаю, что на нее нашло.

Все пропало, пришлось нацепить невозмутимый вид и с гордо поднятой головой прошагать почти в самый конец помещения... в чешках.

Каждый участник вечерней тренировки считал своим долгом смерить взглядом новенькую и, безусловно, заметил на ней эту отвратную обувь, не имеющую к бальным танцам никакого отношения. По лицам присутствующих пробежала волна интереса вперемешку с усмешкой.

Моему неадекватному поведению были вполне адекватные причины.

Во-первых, я переехала из небольшого городка в роскошный Санкт-Петербург в возрасте десяти лет. Пришлось оставить школу, друзей и успехи в бальных танцах, как и своего милого и добродушного партнера. Эх, сколько пьедесталов мы покорили. Тут такого мне еще долго не видать. По этому поводу я не питала никаких иллюзий, так как уровень бальных танцев в моем провинциальном городке не шел ни в какое сравнение с высокими стандартами танцевального качества северной столицы. Этот неоспоримый факт сам по себе вгонял в тоску.

Во-вторых, я опоздала на первую же тренировку. В моей ситуации следовало прийти заранее, встать где-нибудь в уголке и надеяться, что меня никто не заметит хотя бы некоторое время.

В-третьих, в те далекие времена бальные танцы были спортом исключительно для двоих. Танцевать в одиночку композицию, созданную для пары, – не самое приятное занятие. Тем более в моем и без того незавидном положении.

Ну и самое главное: я пришла в чешках, будто малышка из ясельной группы, которую привели на первое в ее жизни пробное занятие, да специальную обувь покупать не стали – вдруг дело не пойдет. И это было, пожалуй, самое унижительное, что можно было только придумать. Все потому, что старые туфли стали малы за лето, а новые еще не успели купить.

Оказалось, все не так страшно, как могло показаться. Две минуты позора, и присутствующие уже привыкли к наличию инородного объекта в их привычной среде. Можно было сосредоточиться на своей танцевальной композиции и не обращать на окружение никакого внимания. Тем более все пары, кроме одной, принялись за работу, оттачивая свое танцевальное мастерство, не обращая на меня более никакого внимания. Это немного успокаивало.

Но одна парочка паялилась на меня, стоя в своем углу. Тем временем, играла музыка, и все остальные были заняты делом. Эти же двое нисколько не стеснялись бездельничать и откровенно смеялись. Не было никаких сомнений: предметом их насмешек являюсь именно я. Также было очевидно, что в этом коллективе они пользуются авторитетом. Не каждой паре позволено прохладиться в разгар тренировки. Я предположила, что они были лидерами. Позже узнала: так оно и есть. Не просто лидеры, а самые настоящие тренерские любимчики. К окончанию занятия я была твердо уверена в том, что ненавижу этого нахального парня примерно моего возраста и его противную партнершу с громким неприятным смехом. Стоит ли уточнять, что нахальным парнем был Санек.

Прошел примерно месяц с моего фееричного появления в танцевальном зале, а я уже была влюблена по уши. В этом не было ничего удивительного. Танцевал Санек, как Бог. С партнершей Тamarой, которая тоже была в него влюблена, они были не только самые лучшие в нашем танцевальном клубе, но и регулярно занимали высокие призовые позиции в городских турнирах. Этого было вполне достаточно, чтобы покорить мое юное сердце. Но было еще кое-что. Своей надменностью и высокомерием по отношению к другим, он не отталкивал, а притягивал.

В те далекие времена я не умела хранить в секрете буквально ничего. Моя одноклассница Юля тоже занималась танцами. Наш клуб находился в здании школы, в которой училась примерно половина танцевального коллектива. И вот, однажды, когда я поведала ей свою тайну заговорщицким шепотом, она только рассмеялась.

– Асенька, расскажу тебе одну историю, – с интонацией восточного мудреца выдала Юля, придя в себя после приступа смеха, – однажды, когда у Саши была другая партнерша, она зашла в женскую раздевалку и сказала: “Поднимите руку, кому нравится мой партнер”. И что ты думаешь? Все подняли, и даже я.

– И, что было дальше? – с нетерпением спросила я. Это ж какая конкуренция намечается! А ничего. Всем он сначала нравится, а потом перестает.

– Мне не перестанет, – услышала Юля в ответ.

Я решила, что в моем безнадежном деле не обойтись без потусторонних сил. Мы с одноклассницами как раз подсели на журналы по практической магии, продававшиеся в газетных киосках. Ничего особенного, просто всякие ритуалы, кристаллы и прочая ерунда. Вот тогда-то я и сочинила нечто вроде заклинания, чтобы Санек обратил на меня внимание. Этот случай мама и припомнила мне спустя почти двадцать лет.

Но одна странная вещь действительно произошла в те дни.

В яркий солнечный по-летнему теплый сентябрьский день я отправилась на прогулку с одноклассницей Настей. Осень бросила пару мазков красно-желтой краски на наш зеленый район, сделав его еще привлекательней для прогулок на свежем воздухе. Мы надели ролики и поехали кататься, наслаждаясь прекрасной погодой. Настя, конечно же, была в курсе моих любовных переживаний и предложила ради развлечения провести один ритуал.

Надо было совершить парочку нехитрых действий: встать на перекресток и сказать определенную фразу на все четыре стороны света. И все ради встречи с человеком, которого загадала. Я выполнила все указания подружки, и мы, хихикая, погнали дальше на своих роликах. Не успели доехать до следующего перекрестка, как я увидела Саньку на противоположной стороне улицы. Мы с Настей от восторга, что ритуал сработал всего за пару-тройку минут, чуть не свалились. Хватаясь друг за друга в попытке восстановить равновесие, переехали дорогу в неположенном месте и догнали Саньку.

– Привет! – с нескрываемым восторгом крикнула я ему, промчавшись мимо.

– Чтоб ты упала, – промямлил Санек, жуя яблоко. Он не так уж был впечатлен нашей случайной встречей.

А я была счастлива.

Справедливости ради, стоит отметить, что мы жили в одном районе и учились в соседних школах. Однако ни до, ни после этого случая, на протяжении девяти лет мы более не пересекались на улице случайным образом.

Момент, когда я понравилась Саньку, точно определить не удалось. На мой вопрос, заданный много позже рождения наших детей по SMS, пришел следующий ответ: “Где-то в прошлом году”. Однако первые незначительные знаки внимания в свою сторону я отметила спустя три года после нашей первой встречи. Увы, они продлились недолго. Все это время я вздыхала по-своему, как мне казалось, суженному, без какой бы то ни было надежды на взаимность. Он был на вершине танцевального Олимпа, а я плелась в хвосте, сменяя одного непутевого партнера на другого. О моих чувствах знал весь клуб, включая самого Санька.

Когда еще спустя год мы впервые поехали в летний лагерь всем коллективом, меня ждал первый серьезный удар. Санек закрутил роман с одной девицей – Кариной. Они бесконечно танцевали медляки на дискотеках, а я сидела и смотрела, как он на меня в тот первый день, за тем лишь исключением, что я не смеялась, а плакала. Хорошо, что темнота дискотеки скрыла мои позорные слезы от посторонних глаз. Ходили даже слухи, что они целовались. В этот период мы сдружились с его партнершей Тamarой на почве ненависти к фаворитке. Тогда-то я и узнала, что она так же сохнет по нему, как и я.

Все любовные перипетии в то время происходили в нашей танцевальной тусовке исключительно летом, во время сборов. С началом сезона только что зародившиеся отношения мгновенно и бесследно рассеивались, подобно туману во время наших утренних пробежек в летних лагерях. Так же случилось и у Санька с Кариной, чему мы с его партнершей были несказанно рады. Сердце нашего героя вновь освободилось, а мы с Тamarой из союзниц превратились в соперниц.

К несчастью для меня, у нее была очевидная фора, и не одна. Они проводили с Саньком вместе по несколько часов в день пять-семь раз в неделю, ездили на турниры в другие города. Она без конца хохотала над его шутками во время тренировок, а я наблюдала со стороны и возненавидела ее, честно признаться, заразительный смех. Мне же оставались лишь жалкие полтора часа тренировок три раза в неделю, редкие взгляды мельком, случайные прикосновения на паркете, если повезет. Ко всему прочему, мы еще и не пересекались на соревнованиях, потому как я, по-прежнему, далеко отставала от него по уровню танцевального мастерства.

Сашина мама, ко всему прочему, души не чаяла в Тamarочке, была лучшей подружкой с ее мамой, а также периодически приставала к Саньку с рассказами о том, какая замечательная у него партнерша и не нравится ли она ему как девушка. На что Санек отвечал:

– Мам, ну ты что? Она для меня как рука, например, ну или нога! Вот тебе нужна рука? Вот так и мне нужна партнерша.

Об этих разговорах я узнала много позже, после свадьбы, от свекрови. Но в те времена я понятия не имела о том, что Санек к своей партнерше абсолютно безразличен.

Ветер перемен подул в мою сторону уже следующим летним лагерем – фавориткой нашего Дон Жуана стала я...

Теперь мне были подарены все медляки дискотек. У нас даже появилась своя песня–Aisha, Khaled. В дневное время я также была удостоена внимания.

Вся ненависть Тamarы обрушилась на меня с удвоенной силой. Ее можно было понять. Еще год назад мы вместе страдали из-за Сашиних свиданий с Кариной, а теперь из нас двоих он выбрал меня. Она была старше меня на год, как и Санек. Год в подростковом возрасте – это пропасть. У нее был авторитет в коллективе, не забываем – лучшая пара, многократные чемпи-

оны клуба... Она издевалась надо мной всяческими изощренными подростковыми методами, но в итоге, даже самые преданные подруги не поддержали ее в этой борьбе. Всем было очевидно, что ее пакостные поступки продиктованы лишь дикой ревностью. Я не заикливалась на ее выходках, поскольку купалась во внимании Санька, и это обстоятельство с лихвой окупало все прочие неудобства.

Однако, вместе с летними каникулами закончилась и моя любовная сказка. С приходом осенних холодов, чувства Санька остыли. Его будто подменили. Он даже перестал смотреть в мою сторону, словно не было никакого лагеря. Со мной случилась та же история, что и с Кариней: забыта и вычеркнута из жизни.

Тогда я решила, что с меня хватит. Я запретила себе о нем думать, и вообще смотреть в его сторону во время наших редких встреч. И к моему удивлению, довольно скоро я смогла освободиться и даже переключила свое внимание на мальчика из другого танцевального клуба. Эта информация, естественно, дошла до Санька, и ему не особенно понравилась.

Земля сделала оборот вокруг солнца, и опять наступило лето, а мы отправились в лагерь. Мое сердце свободно, оно больше не замирает, когда Санек проходит рядом. Мы поменялись ролями, теперь он сохнет по мне, а я отвечаю ему полным безразличием.

Полдень. Солнце жарит со страшной силой – редкость для Ленинградской области, даже в августе.

- Я ударила по мячу, и он улетел в лес.
- Сбегаешь? – прошу я стройного высокого парня.
- Да, конечно.
- Боже, какая преданность, – понизив голос шепчет Лиза.
- Да брось, простая вежливость.
- Ага, как же.

Мы с Лизой – единственные девчонки, игравшие в футбол с парнями в свободное от тренировок время. Моя тактика заключалась в том, чтобы стоять возле ворот противника, отвлекая вратаря болтовней и своими короткими шортами, забивая голы при удачном стечении обстоятельств. Метод приносил свои плоды, один раз даже удалось забить головой под восторженные аплодисменты всей команды.

Высоким светловолосым парнем, отправившимся в лес за мячом по моей просьбе, был Санек. Все три недели я замечала, как он увивается за мной хвостиком, но мне это не доставляло никакого удовольствия. Казалось, мои чувства прошли безвозвратно. Я стала симпатичной стройной миниатюрной девушкой, веселой и жизнерадостной. Я нравилась мальчишкам, и, наконец, это осознала, как и то, что свет не сошелся клином на одном человеке, из-за которого я пролила столько слез, по которому страдала столько лет.

Тамара, к слову, тоже остыла к Саньку и закрутила этим же летом роман с Сережей. Теперь ее смех меня не бесил, в наших с ней сложных отношениях даже почувствовалась теплота. Больше не было причин для взаимной неприязни.

– Вы заметили, что Санек все время тусит в нашей комнате? – спросила однажды Маруся, тщательно прокрашивая лаком ногти на ногах.

- Да-а-а-а, точно! Я заметила, – согласилась Света, жуя сникерс.

Был тихий час. Каждый стремился провести его максимально плодотворно. Вечером предстояло отправиться на вторую тренировку.

- Как думаете, к кому он приходит? – не унималась Маруся.

– Видимо к тебе, он же все время садится на твою кровать! – подключилась я к разговору, не скрывая раздражения. Мне было неприятно говорить на эту тему, тем более я пыталась вздремнуть.

– Пф, конечно же нет! Он приходит к тебе, а садится ко мне, чтобы не палить контору. Это было бы слишком очевидно.

– Что было бы слишком очевидно?

– Что он в тебя влюблен, глупая.

Я это понимала и без Марусиных умозаключений. Просто не хотелось признавать очевидный факт публично. Я закрыла эту дверь и не желала снова быть связанной с Саньком.

Последняя ночь в лагере носит название королевской. Это время, когда каждый уважающий себя постоялец не должен спать. Самая распространенная традиция королевской ночи – мазать всех спящих зубной пастой, чем мы и занимались в прошлые годы. На этот раз, большинство ребят достаточно повзрослели, чтобы заниматься подобной ерундой. Кое-кто раздобыл алкогольные коктейли в ближайшем ларьке и даже выбрался за территорию лагеря проводить закат на живописном пляже Финского залива. Все это, конечно, было строго запрещено и каралось мытьем полов в туалете, но в королевскую ночь по негласной традиции запреты снимались. Тренер закрывался в своей комнате и делал вид, что крепко спит, хотя весь этаж стоял на ушах.

Я выходила из комнаты Лизы, когда на пороге возник Санек. Он легонько меня толкнул и закрыл за собой дверь. Мы просидели пару часов в уединении. Уходить мне не разрешалось. Декоративную железную цепочку на моих штанах Санек прицепил к своей ноге, так что даже бросок кобры не помог бы мне сбежать.

Когда кто-то заглядывал в комнату, то с многозначительным “ууу, все понятно”, сразу же скрывался. Все решили, что у нас свидание. И никто не подозревал, что мне хотелось уйти.

В основном говорил Санек. Он был немного пьян. Рассказывал, как прошел его выпускной – он закончил девятый класс. Про своих школьных друзей и поездки на турниры. Иногда было даже интересно. Однако, я безумно устала и очень хотела спать, да и романтические чувства к Саньку не вернулись, несмотря на располагающую к этому атмосферу.

Я воспользовалась мгновением, когда кто-то гораздо более пьяный, вломился в комнату и начал делать обход, что-то напевая на ходу. Бросив вежливое: “мне пора”, я отцепила цепочку и вылетела из комнаты. Идти в свою кровать было нельзя, там он бы сразу меня нашел и не дал бы спать. Поэтому я пошла к Насте – маленькой девочке лет десяти, которая веселилась вместе со всеми. Когда я попросила у нее укрытия, Настя тут же решила, что пора и честь знать, ранний подъем никто не отменял. Мы с ней еле-еле устроились в ее кровати, о комфорте речи и быть не могло. Тем не менее, обе быстро вырубались – сказала усталость и позднее время.

Моя хитрость сработала, Санек долго не мог понять, куда я делась. Мне удалось спокойно выспаться за остаток ночи.

– Доброе утро! – первое, что я услышала. Повернувшись на знакомый голос, я обнаружила довольно бодрого и свежего Санька, который стоял и ждал, пока я проснусь.

Настя уже куда-то делась. Что было дальше – не помню. Видимо я пошла собирать вещи. Последний раз, спеша к выходу из здания по блинному коридору, я услышала полный надежды голос Санька:

– Когда встретимся в следующий раз?

– Как когда? Первого сентября на тренировке.

– Я надеялся, что раньше...

Я только пожала плечами и упорхнула, подхватив свой увесистый чемодан. Пришел черед его надежд быть разрушенными.

Начался танцевальный сезон. Санек продолжал искать со мной встреч, но уже не так настойчиво. Это и понятно, виделись мы на тренировках редко, да и времени на беседы особо не было.

Потихоньку я начала оттаивать, его настойчивость располагала к себе. Королевскую ночь я то и дело вспоминала с теплом. Прежнее раздражение стерлось из памяти, остались лишь факты, которые свидетельствовали о том, что чувства у Санька ко мне довольно серьезные, настроен он решительно, а прошлогодняя история не должна повториться. К слову, она уже не повторилась: с началом сезона Санек продолжал проявлять ко мне интерес.

Технический прогресс внес свою лепту в развитие наших зарождавшихся отношений. В этот год у нас появились мобильные телефоны. Санек раздобыл мой номер и периодически писал SMS, на которые я вежливо отвечала, будучи воспитанным человеком.

Только к февралю он решил взять все в свои руки и больше не спрашивал, можно ли меня провести до дома после тренировки. Он просто пошел со мной. Каждый раз на его предложение прогуляться, я отвечала решительным “нет”. Сейчас я не могу вспомнить, почему оказывала такое сопротивление. Возможно потому, что не хотела быть вновь отвергнутой, не хотела в очередной раз остаться с разбитым сердцем. А может просто боялась. Но когда мы пошли вместе по заваленным снегом дворам в сторону моего дома, когда он взял меня за руку, когда пушистые снежинки медленно опускались на землю в свете уличных фонарей, я поняла, что счастлива. Поняла, что больше не стану говорить “нет”. Да он больше и не станет спрашивать. Много стертось из памяти, только не этот вечер.

Мы остановились недалеко от моего дома.

– Дальше я сама. Спасибо, что проводил. Мне понравилось.

Я уже хотела было уйти, но он придержал меня за руку.

– Может, поцелуешь на прощание?

– Давай в следующий раз.

Он не отпускал моих рук.

– Ну ладно, только в щечку, – неохотно согласилась я.

Я чмокнула его в щеку, она была такая холодная и такая мягкая.

В этот момент он обнял меня крепче и не дал отстраниться. Я не стала сопротивляться. Его губы потянулись к моим. Так случился наш первый поцелуй.

– Вот, теперь пока! – довольный, как мартовский кот, промурлыкал Санек.

Пока я вприпрыжку неслась к парадной, телефон звякнул, оповестив о полученном сообщении. Я открыла SMS и прочла, не веря своему счастью: “Я люблю тебя!”.

“Я тоже тебя люблю!” – набрала я в ответ без промедления. Это была правда, которая неожиданно открылась передо мной. Правда, которую я всегда знала, но предпочла забыть, затолкав ее поглубже, не давая выбраться наружу и вздохнуть полной грудью. До этого самого момента.

С тех пор мы отмечаем 4 февраля, как дату начала наших отношений. В этом году уже в восемнадцатый раз.

Глава 5. Неизвестность

15 января 2022

Провожая мужа в больницу, про себя твердила: “только вернись, только вернись”. Когда за ним закрылась входная дверь, больше не могла себя сдерживать и позволила потоку слез вырваться наружу. Я закрылась в ванной и включила воду, села на пол. Когда сложно было удерживать тело в вертикальном положении, легла на бок, сотрясаясь от непрекращающихся рыданий. Воображение сразу подкинуло самые страшные картины. Не было сил сопротивляться.

Все это время в доме находились дети. Они понимали, что папа заболел и испугались, когда его забирали в больницу. Я быстро нашла способ их отвлечь и закрыла в детской комнате подальше от взрослых разговоров и маминых слез.

Каким-то невероятным усилием воли, выпустив из глаз несколько литров жидкости, я собрала себя в кучу, утерла слезы и заставила делать дела. Во мне проснулась решимость действовать, предпринять хоть что-то, чтобы помочь мужу выбраться. На ум пришли сразу несколько вариантов.

Первое, что я сделала – позвонила маме и написала SMS свекрови. Рассказать ей о диагнозе сына у меня не хватило духа. Она позвонила мне сама.

– Ты не должна сдаваться! Врачи ошибаются, этот диагноз еще необходимо перепроверить в онкоцентре. Только там смогут точно его поставить, а пока это лишь предварительное заключение, – твердым уверенным голосом проговорила она в трубку.

Я не смогла сдержать слез в очередной раз и разрыдалась прямо во время разговора. Ее слова подарили мне надежду, которой практически не было минуту назад.

Оказалось, не так давно с ней приключилась история с ложным диагнозом, который опровергли в онкоцентре, проведя необходимые исследования. Неделю она лежала в больнице и считала, что больна раком. Опухоль оказалась доброкачественной, требовала наблюдения, но не более того.

Я поразились мужеству этой сильной женщины, которая так храбро восприняла беспощадную новость и подбадривала меня, вместо того чтобы расклеиться самой. Я знаю, что она тоже пролила немало слез, но только наедине с собой. В разговорах со мной была только поддержка и ни капли слабости или сомнения.

По совету свекрови я продолжала убеждать себя в том, что это предварительное заключение. Я даже придумала себе легенду, в которую мгновенно поверила и ухватилась за нее, как за спасительную соломинку. Легенда звучала следующим образом: “Это все COVID, он коварный и непредсказуемый, дал такую картину, его вылечат и все пройдет”. Звучало не очень убедительно, но мне это было необходимо: верить в то, что еще не все потеряно.

Однако, в пользу того, что я еще не совсем выжила из ума в своей слепой надежде, свидетельствовали несколько фактов, в которые я сразу же вцепилась мертвой хваткой.

Человек в таком состоянии, как показывало КТ, а именно в четвертой стадии рака с метастазами по всему организму, должен был давно почувствовать себя плохо. Онкобольные люди стремительно теряют вес, испытывают боли и проблемы с пищеварением или сном, быстро утомляются. Санек же всего неделю назад катался на ватрушках и был полностью здоров, имел отменный аппетит и даже избыточный вес, шутил свои шуточки и спал, как младенец. Как можно было всего за неделю превратиться из абсолютно здорового внешне в человека буквально при смерти? Это не укладывалось в голове, и было истолковано мною, как неопровержимое доказательство ошибочности заключения специалистов, проводивших КТ.

Придя в себя, я решила отвести Федю на кружок по робототехнике, несмотря на то что занятия уже начались пятнадцать минут назад. Пока он занимался, мы с Тасей поехали в церковь. По пути я опять ревела. Даже присутствие шестилетней дочери не помогло сдержаться.

– Мамочка, почему ты плачешь?

– Я просто переживаю за папу.

– Все будет хорошо. Его подлечат и вернут домой, как новенького, – утешала меня крошка-дочь. Очень хотелось ей верить.

Раздался звонок мобильного телефона. Это была мама – предложила забрать детей к себе и посоветовала специальные молитвы при болезни родных людей и даже онкобольных. Я и не знала, что такие существуют.

Когда я вернулась в пустую квартиру, гремучая смесь боли, горя, страха и отчаяния обрушилась на меня с невероятной силой, словно волна, сбивающая с ног во время шторма. Я глотала воду, задыхалась и кувыркалась в соленой пучине, обдирая кожу об острые камни, пытаясь выбраться из водоворота. Меня накрыла настоящая истерика, это больше не были тихие слезы, я рыдала взхлеб и металась по квартире, как умалишенная. Неожиданно для самой себя стала кричать: “Не забирай! Не забирай! Не забирай!”. Так продолжалось минут двадцать. Текст повторялся снова и снова, менялась только интонация: от жесткого требования к жалкой еле слышной мольбе. Я, как будто, двигалась по синусоиде. В верхних точках орала, в нижних шептала, но остановиться не могла.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Осталось только внутреннее опустошение и физическая усталость.

Обессиленная от безумной истерики и метаний по пустой квартире, я вновь вернулась к необходимости практических действий и позвонила своей подруге Жанне. Мы работали вместе в одной компании. Она общалась с огромным количеством наших общих коллег, и я попросила расспросить, не знает ли кто из них хорошего онколога. Повторить ошибку и обратиться к первому попавшемуся дежурному врачу, надеясь на его компетентность, мы больше не могли себе позволить.

– Ася, я даже не знаю, что сказать!

– Не надо ничего говорить, слова не помогут.

Жанна не подвела, через полчаса она уже попросила прислать ей результаты КТ, которые сразу же были направлены проверенному врачу.

“Рак поджелудочной железы” – был вердикт.

Моя и без того хиленькая теория о том, что никакого рака нет, и это все коварный COVID играет с нами в свои злые игры, трещала по швам, но продолжала жить в моей голове. Тогда я еще не знала, что невозможно определить разновидность опухоли только по результатам КТ, для этого необходимо проводить биопсию, поэтому полезла в интернет искать информацию об этой болезни.

С удивлением обнаружила, что рак поджелудочной железы – не самое распространенное явление с низким процентом выживаемости, в основном поражающий людей в возрасте старше шестидесяти лет.

Низкий процент выживаемости, без лишних волнений, я сразу же связала с возрастом пациентов. Но ведь Санек молодой и крепкий, ему всего лишь тридцать два года, он обязательно попадет в тот самый процент людей, победивших болезнь. Подбадривать себя было все сложнее.

Тем временем накатила новая волна истерики с криками “Не забирай!”. В этот день она случалась со мной довольно часто и каждый раз в неизменном виде, как по заранее прописанному сценарию. Когда меня в очередной раз отпустило, я вспомнила о молитвах, которые советовала мама. Часть из них была у меня в печатном виде в специальной книжечке, другие – нашла в интернете.

Незаметно день подошел к концу. Дикие истерики сменялись спокойным и умиротворенным чтением текстов на не очень понятном языке, свойственном православным молитвам.

Никаких новостей о состоянии Санька и положении дел не было – в реанимацию не разрешают брать мобильные телефоны. Единственным источником информации служила справочная служба, в которую следовало звонить утром следующего дня. Об этом меня предупредили сотрудники скорой помощи. Я находилась в томительном ожидании и гнетущем состоянии неизвестности.

Около двадцати трех часов вечера я отправилась в пустую холодную постель и обняла подушку мужа, все еще хранящую его запах. Что, если эта подушка и этот запах – единственное, что у меня от него осталось? Что, если я больше его никогда не увижу? Жуткие мысли-паразиты проникли в мое сознание, вцепившись клещами. И опять слезы хлынули безудержным потоком. Так я и заснула беспробудным пустым забвеньем в луже собственных слез и безнадёги.

Глава 6. Вера

В детстве мне часто снился один и тот же кошмар в двух вариациях. Чаще всего это случилось при высокой температуре во время болезни. Он даже не был похож на сон в понятном всем смысле. Это были не картинки, а скорее чувства или ощущения, сопровождавшиеся звуковыми эффектами.

Первая вариация была про клубок ниток. Сажу я себе спокойненько, разматываю, петля за петлей. И тут вдруг налетает вихрь, в ушах – шум. Нитки спутываются сами собой, а я в этот момент нахожусь в паническом состоянии ужаса и страха, будто от этих проклятых ниток зависит вся моя жизнь. Потом вихрь стихает, шум проходит, и все начинается сначала: я сажу и распутываю клубок, и, по мере приближения к концу процесса, мне становится все спокойнее и спокойнее. В итоге я чувствую умиротворение от того, что клубок распутан. Но тут все повторяется, вихрь возвращается, как и мое ощущение ужаса. И так, раз за разом, эти два состояния сменяют друг друга, пока не заканчиваются пробуждением.

Вторую вариацию я назвала “Война и мир”. Все ощущения во сне повторяются. Меняется только сюжет. Спутанные нитки – война, распутанный клубок – мирное время. Быть может, это был один и тот же сон. А нитки и ощущение войны и мира мерещились мне одновременно, сейчас уже и не вспомнить.

Подобные кошмары больше не тревожат меня по ночам, они пришли в реальную жизнь. Я будто все время разматываю этот клубок, чувствую себя в безопасности, а потом что-то гадкое врывается в мою жизнь, спутывает мои аккуратно разложенные нити, приводит меня в ужас. А я послушно начинаю все сначала, не имея никаких гарантий, что на этот раз клубок удастся распутать до конца.

16 января 2022

Я проснулась около девяти часов утра. Первые счастливые мгновения после пробуждения еще не помнила, что случилось накануне. Пара секунд и боль так резко ворвалась в мою душу, что перехватило дыхание и скрутило живот. Я вспомнила, что вчера ничего не ела весь день. То, к чему успела привыкнуть вчера, сегодня, как будто, пришлось проживать заново. Хотелось уснуть и больше не просыпаться, вернуться в безмятежность забытья.

Я встала, умылась, выпила воды и приступила к чтению молитв в поисках душевного равновесия. Стоя возле окна в спальне, обращаясь к небу.

Солнце не показывалось уже несколько дней. Я попыталась вспомнить, когда видела его в прошлый раз, и не смогла. Низкие тучи давили своей тяжестью, намекая на то, что я в западне. В глаза бросились провода – натянутые струны на фоне серого неба. Раньше я их не замечала.

По мере приближения к десяти часам волнение нарастало. Предстоял звонок в справочное отделение больницы, в которой находился Санек.

Как ни странно, вчерашние истерики больше не повторялись. Сегодня я больше была похожа на зомби, выжатая и опустошенная, бездельно слоняющаяся из комнаты в комнату, пытаюсь скоротать время до долгожданного звонка в больницу.

– Состояние стабильно тяжелое, пока в реанимации, температуры нет, – отчеканила женщина из справочного после того, как я дозвонилась примерно с пятнадцатой попытки.

Больше ничего узнать не удалось: ни что с ним делали в реанимации, ни подробностей состояния. Посоветовали только звонить в понедельник сразу лечащему врачу по телефону, указанному на сайте в обозначенное время.

Я попыталась разобрать одну единственную фразу на молекулы, извлечь из нее максимум информации.

“Состояние стабильное” – звучит отлично, значит, Санек пережил эту ночь, и его жизни на данный момент ничего не угрожает.

“Тяжелое” – оно и понятно, вчера он еле дышал, сидел и говорил. Было бы странно, если бы сегодня он оказался здоров, все-таки его увезли в городскую больницу, а не в Хогвартс.

“Температуры нет” – это, конечно, хорошо, и, по всей видимости, важно. На этом все.

Позвонила Сашиной маме передать те крупницы информации, что имелись в наличии. Потом своей. Опять предстояло провести более суток в неведении, хоть и в более спокойном состоянии, чем вчера. “Не лежит же он в реанимации в холостую, наверняка что-то там с ним сделали, и ему стало лучше” – успокаивала я себя.

– Асюнь, привет! – позвонил папа, отвлекая меня от анализа полученной информации. – В городе есть специальная церквушка, в которой молятся за онкобольных. Там через час начнется служба, если выйдем через десять минут, можем успеть.

– Поехали! – ответила я налету, выпрыгивая из-под одеяла в сторону шкафа.

Отношения с религией у меня сложные, совсем не такие, как у моих родителей, бабушек, дедушек и свекрови. Все мои родственники очень набожны и религиозны, не до фанатизма, но, что называется, по мере возможностей. Иногда ходят на службу и причащаются, реже исповедаются, периодически пытаются соблюдать пост, хотя бы короткий срок. Ну и, конечно, в любой неприятной ситуации советуют обращаться за помощью к Богу.

При этом, что мама, что бабушка, верят в гороскопы, вещие сны, приметы, экстрасенсов и другие вещи, отрицаемые православной церковью, не замечая при этом никакого противоречия.

Мой отказ от следования некоторым традициям, в которые я не верю, поскольку придумали их люди, а никакие ни божественные существа, они воспринимают, как упущение в воспитании, и продолжают пытаться восполнить этот пробел, хотя пошел уже четвертый десяток после моего появления на свет.

Возможно, сбой пошел в тот момент, когда неграмотный священник в далеком 1990 году в маленьком городке допустил роковую ошибку и окрестил меня именем Ася, чего нельзя было делать, поскольку такой святой нет. Мама была молодая и неопытная, также не заметив подвоха. Когда крестили моего младшего брата Андрея, она задала волновавший ее уже давно вопрос, получив ответ, о котором догадывалась.

Тут возник конфуз: как же выкрутиться из сложившейся ситуации? С одной стороны, проводить обряд во второй раз как-то неверно, с другой – оставлять меня с несуществующим именем тоже нехорошо. В итоге батюшка посоветовал выбрать одно из более или менее подходящих имен, купить иконку соответствующей святой и с этой поры считать, что все в порядке. С того дня в православном мире я стала Анной. Первое время после этого сомнительного мероприятия, моя любимая бабуля с трепетом в голосе называла меня не иначе как Аннушка. Продолжалось это недолго, поскольку каждый раз я фыркала и говорила не называть меня так никогда. Я – Ася, и точка. Так назвала меня мама при рождении, ей и останусь.

Тем не менее, я действительно верю в существование Бога, к которому обращаюсь с самого детства в своих ежедневных молитвах в момент отхода ко сну. Я не знаю, как он выглядит, кто он таков, не представляю его в каком-то конкретном виде, для меня он – абстракция, неопределенность, которую я не хочу разгадывать, не хочу придавать ей реальный облик, потому что точно знаю, что ошибусь. Я ношу православный крест на шее, как некий талисман, охраняющий меня от несчастий. Если его на мне нет, чувствую себя неудобно и считаю, что необходимо делать именно то, что тебе комфортно в таком интимном вопросе, как вера.

Для меня церковь и вера в Бога – две разные вещи. Церковь, в широком смысле слова, я воспринимаю больше, как институт, со своими правилами и инструкциями, которым ты непременно обязан подчиняться, нежели как нечто духовное, чистое и святое. Как инструмент для управления людьми, созданный много веков назад с этой целью.

Ты веришь в то, что считаешь правильным и нужным именно тебе. И, что самое главное, ты не должен ее никому навязывать. Для меня навязанная вера не может быть верой по определению. Я верю в силу молитвы, потому что верю в силу сознания, в силу слова и мысли. Я хожу в церковь, чтобы помолиться в располагающей к этому особой атмосфере только тогда, когда чувствую в этом потребность, чтобы попросить или поблагодарить, выбирая при этом время наименьшего скопления людей. Не потому, что так надо, так положено или так прописано в неких “правилах”, а потому что я так хочу. Я никому не навязываю свою позицию в этом вопросе и уважаю чужое мнение и право выбирать, как именно и во что верить, в отличие от своей семейки, которая упорно пытается меня “перевоспитать”.

И вот мы едем с папой в место, специально предназначенное для таких ситуаций, как наша, а я чувствую в этом необходимость и даже потребность. Я должна делать все, что могу.

– В наше время рак – не приговор, – подбадривал меня папа, ловко лавируя между автомобилями. – Сейчас столько современных методик лечения, что справляются с любой, даже самой запущенной ситуацией.

Как ни странно, это было именно то, что хотелось услышать. Именно те слова, которые могут помочь.

Я отвернулась к окну и стала разглядывать неприветливый Петербург. Кольцевая автодорога вела нас мимо промзон с разноцветными морскими контейнерами, нагроможденными друг на друга, точно конструктор Лего. Клешни портовых кранов угрюмо повисли в воздухе без движения. На горизонте виднелись трубы, дымящиеся паром, словно непотушенные сигареты, а с другой стороны от кольцевой дороги толстой швейной иглой застыл Лахта-центр, отражая в себе свинцовые тучи, отчего был похож на призрак, молчаливо взирающий на город. Позолоченные шпили и купола исторических зданий будто потускнели, не желая выделяться на общем фоне своим привычным блеском роскоши, и грустили вместе со мной среди серости пасмурного дня.

Мы приехали в место назначения – маленькую часовенку на территории онкологической больницы в центре города. Ухоженные деревья разбитого сквера были прекрасны своей безжизненной зимней красотой. Я засемила по скользкой ледяной тропинке, припорошенной снегом, съездившись от холода, пока папа поехал на поиски парковочного места.

В помещении не более пятнадцати квадратных метров кроме меня – еще два посетителя и женщина, продающая иконы, крестики и свечи.

– Успел? – прошептал мне в ухо папа, тихонько прокраившийся в часовню.

Я вздрогнула от неожиданности, не заметив его приближения, погруженная в свои мысли, и кивнула. В этот момент дверь отворилась еще раз – пришел батюшка. Он провел короткую службу и удалился.

Не могу сказать, что почувствовала благодать, снизошедшую на меня, но определенное облегчение появилось. Да и надежды немного прибавилось. Хотя может причиной этому послужил короткий разговор с папой в машине о чудесах современной медицины.

Тем временем родня не сидела без дела. Бабушка и свекровь отправились в ближайшие к ним церкви и заказали сорокоуст о здравии раба божьего Александра – молитву о человеке, которую будут читать в храме в течение сорока дней. Кроме того, у Сашиной мамы было много близких друзей, которые сделали то же самое в разных городах страны и даже в соседней Латвии. По цепочке просьба о сорокадневной молитве дошла даже до США. К концу дня о Сашинем выздоровлении молились без преувеличения в разных уголках планеты. Высшие силы, кем бы они ни были, оказались максимально вовлечены в процесс.

Вернувшись домой, я вспомнила, что завтра понедельник, а Сашины коллеги до сих пор не знают, что он не выйдет на работу. У меня был номер Надежды, я написала SMS: “Саша в реанимации, завтра на работу не придет”.

Раздался звонок.

– Ася, добрый вечер! Что случилось?

– Рак.

– О боже, не может быть! Что говорят врачи?

– Я не знаю, увезли вчера на скорой, больше никакой информации нет. Завтра буду звонить, общаться с врачом.

– Держи в курсе. Сегодня из командировки возвращается Васильич, я ему все передам. Если нужна помощь, обращайся.

– Хорошо, спасибо.

Через час позвонил сам Васильич и потребовал подробного отчета о происходящем. Мне даже показалось, что он и мой начальник тоже. В конце доклада уже более мягким тоном он попросил надеяться на то, что произошла ошибка, и онкологии у Саши быть не может, поскольку своими глазами видел его бодрым и энергичным всего шесть дней назад. На прощание пообещал найти хорошего специалиста и попросил сразу же сообщать последние новости.

Я была удивлена таким стремлением помочь. Приятно осознавать, что тебя не бросят в беде один на один со смертельной болезнью. Так появилась помощь в привлечении не только высших сил, но и медицинских.

Второй день подходил к концу. Больше суток без связи.

Перед сном я, по сложившейся уже традиции, отправилась в свое сакральное место, предназначенное для молитв, связи с космосом, разведения растений с желаниями и прочих духовных ритуалов – окно в спальне.

Тут я обнаружила нечто такое, чего не видела ни до, ни после этого случая: два столба рассеянного света поднимались от земли к небу недалеко друг от друга. В той стороне города сразу за кольцевой автодорогой располагались огромные теплицы, которые освещались в темное время суток и в пасмурную погоду подсвечивали небо, как заходящее солнце освещает горизонт.

Я сперва подумала, что мои столбы как-то связаны с теплицей, но они поднимались из земли гораздо ближе, как будто в соседнем районе за многоэтажками. Еще один вариант – прожекторы, которыми иногда светят в небо по особым поводам. Тут тоже мимо. Столбы были гораздо шире и не двигались.

Я моргнула, столбы на месте. Я отвернулась и посмотрела вновь, ничего не поменялось. Тогда я стала смотреть пристально, не отрываясь, с интересом ожидая, что будет дальше. По телу одновременно бежали мурашки, и растекалось тепло. Минут десять ничего не происходило. Потом они стали буквально растворяться, один – быстрее, второй – медленнее. Через пару минут ничего постороннего в небе более не наблюдалось.

Еще какое-то время я сидела возле окна, вытаращив глаза. Что это такое было? Перебирала в голове рациональные объяснения увиденному, а потом плюнула и решила, что это был знак. Знак о том, что все будет хорошо. А может быть сигнал о том, что мои молитвы услышаны. Такое объяснение меня вполне устроило, и я пошла спать.

Глава 7. Задача со звездочкой

Я сталкивалась со смертью лицом к лицу только однажды. Мне было семь лет, как сейчас Тасе. В этот период я жила с бабушкой Лидой и прабабушкой Дусей.

Пока бабушка работала, мы с Дусей играли в такую игру: она сидела на балконе, наслаждаясь хорошей погодой, пением птиц и теплым летним воздухом, а я накидывала на себя покрывало, обретая форму приведения из детских мультфильмов, и медленно выплывала из комнаты со зловещими звуками “у-у-у-у”.

Дуся подыгрывала мне и умоляющим голосом протягивала: “Ой, боюсь-боюсь! Это смерть моя за мной пришла. Не забирай меня, дай пожить еще немножечко”. Я заливалась диким хохотом, скидывала покрывало, и она делала вид, что удивлена. А я верила, что все по-настоящему. Снова и снова я проделывала этот трюк и каждый раз считала, что бабуля на самом деле пугается одеяла, под которым спит каждую ночь.

Вскоре смерть пришла за Дусей по-настоящему. Это случилось не теплым солнечным днем, а под покровом холодной весенней ночи. Она просто заснула и больше не проснулась. В эту ночь мы спали в одной постели.

Рано утром я подскочила и побежала посмотреть телевизор. Вскоре пришла соседка, бабушкина подруга, и я услышала вопли и громкий плач. Бабушка Лида с красными от слез глазами подошла ко мне, объяснила, что произошло, попросила самостоятельно найти на кухне поесть и ушла в ту самую спальню.

– Теперь все не будет, как раньше? – спросила я, еле сдерживая слезы, когда на меня вновь обратили внимание спустя несколько часов.

– Конечно будет, внученька! Похороним бабушку и будем жить, как жили.

Квартира наполнилась людьми, часть из них я даже не знала. Кто-то плакал, кто-то просто ходил молча с мрачным лицом. Я сидела одна в комнате и боялась. Мне было страшно заходить в ту самую комнату – нашу с Дусей спальню. Еще было страшно от того, что я спала рядом с мертвой бабушкой, и смерть пришла за ней, когда я была рядом. Но самое главное, мне было страшно, потому что вся квартира была наполнена горем. Будто дышать стало сложнее. Будто из души вытянули все хорошее и светлое, а оставили только темноту, скорбь и отчаяние.

Тогда я подумала, что это и есть смерть. Она пришла не только за бабушкой Дусей, она пришла в наш дом и оставила в нем свой гадкий ядовитый след, навязчивую мысль в голове: “Теперь все не будет, как раньше, о прежней беззаботной счастливой жизни можете забыть”.

17 января 2022

Утро понедельника прошло в волнительном предвкушении разговора с лечащим врачом. Отпуск закончился, но у меня был припасен один день отгула, которым я решила воспользоваться. Работать в таком состоянии было невозможно.

В назначенное время я начала звонить по указанному номеру дежурного врача на сайте больницы. Занято. Занято. Занято.

– Алло, – ответили, наконец, на том конце.

– Добрый день, можно узнать о состоянии пациента Максимова Александра? – голос предательски дрожал, волнение переполняло, и, казалось, слезы вот-вот потекут по щекам.

– А вы кем приходитеесь?

– Супругой.

– Вам известно, с чем он поступил?

– Да, я в курсе, – голос дрогнул.

– Ему провели операцию, удалили жидкость из перикарда². После выписки необходимо будет обратиться в онкоцентр для дальнейшего лечения опухоли. Сегодня-завтра будем переводить из реанимации в терапию. Я могу передать ему телефон, если хотите поговорить.

– Да, конечно! Спасибо огромное, – не веря, что такая опция возможна, ответила я.

– Привет! – мой родной любимый голос, который я боялась уже никогда не услышать.

² Перикард – околосердечная сумка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.